

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 167-175
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.167

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Deviations in Reproductive Behaviour of Russian Peasant Women in the Middle Ural (19th – early 20th centuries)

Elizaveta S. Lakhtionova ^{a, *}, Irina G. Polyakova ^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

The article explores the variants of Russian women's reproductive behaviour, which were regarded in the peasant environment as deviations. The aim of the article is to examine the specific types of deviant behaviour and to reveal the factors that contributed to their emergence and persistent presence in the everyday life of Russian peasant women of the Middle Ural.

The main sources represent certain unpublished materials (judicial investigation cases) and number of published sources (recordings of folklore). The study allowed the “tender points” in the reproductive culture that existed in the Russian peasant environment in the 19th – early 20th century: premarital intimate relations, subsequent out-of-wedlock pregnancy, the desire to conceal it using different methods (abortion, murder of the already-born child), deviant parenthood in the form of child abandonment. These phenomena were deemed to be deviations from the norm since the main accepted aim of women's life was marital childbearing, when the wedlock was considered as the only birth controller in the traditional society. Women were expected to be punished in various ways for departure from the accepted norms, ranging from moral condemnation to real penal servitude. Despite of the above, the abovementioned deviations regularly took place in peasants' everyday life.

The authors conclude that the factors contributing to deviant reproductive behaviour of peasant women included psychological (dependence on public opinion, the concept of sin and crime), sociocultural (reproductive “purpose” of women, low level of women's literacy), material (young woman's inability to provide for her illegitimate child).

Keywords: reproductive behavior, deviations, peasantry, woman, Middle Ural, infanticide, sin, crime.

1. Введение

Репродуктивное поведение – система реальных действий, которые предпринимаются мужчиной и женщиной для реализации своей собственной репродуктивной стратегии. Эти действия могут в себя включать зачатие/отказ от зачатия (контрацепция), практику планирования рождения детей, беременность, аборт, рождение ребенка (Галиева, 2021: 12).

Хорошо известно, что рождение детей являлось важнейшей частью жизненного цикла женщины, от репродуктивной функции которой зависела крестьянская экономика. В норме дети должны были рождаться в супружеском союзе и в том количестве, которое позволяло здоровье женщины (Мухина, 2012b: 7-8). Поэтому разные негативные отклонения от данного сценария считались ненормальными и жестко пресекались, осуждались и наказывались в крестьянском сообществе, вплоть до уголовного преследования.

* Corresponding author

E-mail addresses: elza1982@yandex.ru (E.S. Lakhtionova), irinapolykova@yandex.ru (I.G. Polyakova)

В данной статье будут рассмотрены действия русских крестьянок, которые с точки зрения репродуктивной культуры того времени считались отклонениями от нормы (девиациями) и несли угрозу благополучию общества.

Актуальность представленной темы состоит в том, что в последние десятилетия в России фиксируется отказ от традиционной интерпретации материнства и отцовства, существовавшей в нашей стране очень долгое время. Это приводит к таким последствиям, как кризис семьи, нарастание антинаatalистических и депопуляционных настроений в российском обществе (Клименко, 2020: 41-42). Поэтому сейчас становятся все более востребованными исследования гендерных интерпретаций репродуктивных стратегий в российском обществе в разные исторические периоды, в том числе с точки зрения отклонения от нормы. Хронологические рамки данного исследования обусловлены тем, что в указанное время в России происходят эпохальные перемены, отразившиеся, несомненно, и на репродуктивном поведении женщин, особенно после установления советской власти в 1920-е гг. (Мирошниченко, 2012: 42-45).

Теоретическая ценность статьи связана с отсутствием узконаправленных научных работ, освещающих поставленную проблему на материале Среднего Урала. Практическая значимость исследования диктуется необходимостью в настоящее время скорректировать те механизмы в репродуктивной культуре, которые несут угрозу благополучию современного российского общества. Вероятно, изучение исторического материала позволит помочь нивелировать эту угрозу.

2. Материалы и методы

Для проведения данного исследования использовались, главным образом, материалы из неопубликованных источников, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области (Екатеринбург, Российская Федерация). Это большой пласт судебно-следственных дел, сосредоточенных в фондах Екатеринбургской духовной консистории (Ф. 6), Екатеринбургского окружного суда (Ф. 11), Екатеринбургского уездного суда (Ф. 12), Пермской палаты уголовного и гражданского суда (Ф. 476). Документы этой группы содержат информацию о таких негативных действиях крестьянок, как криминальные аборт, детоубийство, отказничество, незаконное сожительство, позволяя детально изучить конкретные примеры девиантного поведения. Анализ судебно-следственных дел дает возможность понять, как относились в целом крестьяне к перечисленным видам девиаций.

Также были изучены опубликованные источники, представленные записями фольклора (частушки, пословицы, поговорки, песни, сказки, притчи). Большая их часть содержится в материалах периодического издания «Записки Уральского общества любителей естествознания»¹ и относится ко второй половине XIX – началу XX вв. Материалы охватывают всю Пермскую губернию, включавшую в себя Чердынский, Соликамский, Верхотурский, Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский и Красноуфимский уезды. Данный вид источников позволяет проанализировать отношение крестьян к различным видам девиантного репродуктивного поведения, например добрачным отношениям, ведущим к нежелательной беременности.

Применение и анализ вышеописанных источников позволили комплексно исследовать обозначенную научную проблему, достичь поставленной цели и прийти к выводам, описанным в соответствующем разделе статьи.

Проблематика статьи находится на стыке двух актуальных сейчас исследовательских направлений: гендерном и репродуктивном. Это определяет методологию, имеющую междисциплинарную основу: используются традиционные исторические методы в купе с гендерным подходом, позволяющие выявить причины закрепления в репродуктивном поведении крестьянок вариантов, которые считались негативными отклонениями от нормы.

Среди традиционных методов исторического исследования, использованных в данном исследовании, нужно назвать следующие: историко-сравнительный (позволяет выявить региональные особенности в поведении и мировоззрении русских крестьян); историко-генеалогический (помогает понять, какие именно элементы «правильного» репродуктивного поведения наследовались в крестьянской среде в указанный исторический период); историко-географический (позволяет проследить, как физико-географическая среда повлияла на репродуктивную культуру российского крестьянства); социально-исторический (анализ особенностей репродуктивного поведения крестьянства в конкретной социокультурной среде).

Одним из ведущих методов в настоящем исследовании является историко-антропологический, цель которого – реконструировать систему мировоззренческих и поведенческих установок, принятых в русском крестьянском сообществе в указанный период. Данный подход помогает изучить репродуктивное поведение женщин через их повседневную жизнь, состоящую не только из следования установкам, принятым в конкретной социокультурной среде, но и девиантных действий.

¹ Уральское общество любителей естествознания – научное сообщество, возникшее в Екатеринбурге в 1870 г.

Применение гендерного подхода в рамках исторического исследования обусловлено тем, что в сфере воспроизводства просто необходимо выделение роли и положения женщины и мужчины, которые в традиционалистском виде репродуктивной стратегии образовывали прочный супружеский союз, сопровождавшийся обязательным рождением одного и более детей. Поменявшиеся в последние десятилетия социальные роли женщины и мужчины значительно повлияли на изменение соотношения репродуктивных планов женщин и мужчин и возможность их реализации на практике. Многие из того, что считалось девиацией в XIX и начале XX в., в наше время находится в пределах нормы.

3. Обсуждение

Репродуктивное поведение крестьян в Российской империи неоднократно становилось предметом рассмотрения ряда историков-демографов, социологов и психологов. Здесь нужно отметить комплексное исследование Б.Н. Миронова (Миронов, 2000), который через рассмотрение широкого круга проблем социальной истории Российской империи частично раскрывает особенности репродуктивной культуры крестьянства в XVIII – начале XX вв. Также на общероссийском материале построены исследования Н.Л. Пушкаревой, посвященные истории российских женщин, в том числе крестьянок. Автор касается самых разных аспектов повседневной жизни, уделяя внимание женскому репродуктивному поведению и здоровью (Пушкарева, 2017).

Тема девиаций в репродуктивном поведении крестьян не осталась незамеченной в научном сообществе. К ней обращались такие ученые, как В.Б. Безгин (Безгин, 2010), Д.В. Михель (Михель, 2007), З.З. Мухина (Мухина, 2012а), Н.А. Мицюк и Н.Л. Пушкарева (Мицюк, Пушкарева, 2019). По их мнению, наличие девиаций было обусловлено как рациональными причинами (например, отсутствием законных медицинских методов регулирования рождаемости в традиционном обществе), так и морально-психологическими (боязнь общественного мнения).

На уральском материале специальных научных исследований, которые посвящены теме девиантного поведения крестьянок, до сих пор не имеется. Элементы репродуктивного поведения так или иначе затрагиваются С.В. Голиковой (Голикова, 2001), Н.Б. Кончаковской (Кончаковская, 2016), М.И. Мирошниченко (Мирошниченко, 2012).

Таким образом, проблема, обозначенная в статье, является недостаточно изученной в научной литературе и требует дальнейшего исследования на региональном материале.

4. Результаты

Одним из аспектов, характеризующих семью, являлся супружеский союз. По российским законам мужчины могли вступать в брак с 18 лет, женщины – с 16 лет. «Брак – исторически меняющаяся форма отношений между мужчиной и женщиной (как правило, в условиях совместного проживания), устанавливающая их общие и специальные права и обязанности, связанные с гендерной принадлежностью в процессе воспроизводства популяции» (Акопян, 2011: 146).

По нормам и правилам того времени только в браке могли рождаться дети, так как регуляция рождаемости в традиционном обществе осуществлялась через брачность. Поэтому «ребенок вне брака был ребенком вне закона, т. е. «незаконнорожденным»» (Голикова, 2001: 63). Кроме того, добрачные сексуальные отношения порицались Церковью и крестьянским сообществом, считались греховными. Причем более жестко крестьяне осуждали именно девушку/женщину, допустившую сексуальную связь, а не мужчину (Мухина, Пушкарева, 2012: 46).

Потеря девственности до брака девушкой, вступившей в интимные отношения с последующим зачатием ребенка, считалась крестьянами грехом. Несмотря на это, примеров такого поведения в архивных материалах имеется достаточно (Лахтионова, 2019). Зафиксированные случаи детально описываются в судебно-следственных делах, из которых можно понять, что допустившие интимную связь до брака девушки/женщины шли на это добровольно, поддавшись любовным чувствам. В силу незнания женщинами особенностей своей физиологии и в условиях открытого отрицания любых средств контрацепции (кроме воздержания по религиозным правилам) результатом сексуальных отношений оказывалась беременность, которая считалась нежелательной, так как ярко свидетельствовала о неправильном поведении женщины, тем самым демонстрируя его греховность. Даже если крестьянка потом выходила замуж, «слава» о ней не забывалась. Так произошло с Марией Порохиной (Камышловский уезд, 1821–1823 гг.), которая еще до своего замужества потеряла девственность и забеременела, но произошел выкидыш. Свои действия она сама считала греховными, за которые в замужестве регулярно подвергалась побоям законного супруга, так и не простившего ее и не забывшего распутного поведения жены до брака (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 644. Л. 13–13об.).

Допуская сознательно и добровольно добрачные отношения, повлекшие за собой последующую беременность, русская крестьянка знала, что ответственность за данный греховный поступок лежит лично на ней. Это подтверждают многочисленные свидетельства, сохранившиеся в архивных материалах. Были даже случаи, когда дело заводилось с целью привлечь к ответственности мужчину, который не желал признавать ребенка, рожденного в сожителстве, и заставить его жениться. Однако против выступала мать ребенка, открыто признававшая, что вся ответственность за «любовную

связь» и рождение незаконнорожденного ребенка лежит только на ней, Сусанне Кондаковой (Верхотурский уезд, 1896 г.) (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 103. Л. 20).

Осуждение добрачных интимных связей как греховных нашло также отражение в целом пласте фольклора, собранного учеными и краеведами в рамках деятельности Уральского общества любителей естествознания. Из фольклорного и архивного материала видно, что нецеломудренное поведение девушек до брака имело определенные последствия: пятно на репутации самой крестьянки, а также всей ее семьи. Будущие женихи и их родители при выборе невесты обращали на это большое внимание.

Нежелательная беременность, возникшая в результате добрачных сексуальных отношений, могла иметь четыре варианта разрешения. Во-первых, она могла завершиться выкидышем. Во-вторых, она могла закончиться сознательным ее прерыванием («плодоизгнанием»). В-третьих, рождением ребенка и его последующим убийством («детоубийством»). В-четвертых, рождением внебрачного ребенка, постоянно напоминающего его матери о запретных отношениях и влекущего за собой девиантное родительство (Беляева, 2012: 208). Ниже будут более подробно рассмотрены только три последних варианта, так как они напрямую связаны с сознательным поступком женщины по избавлению от ребенка.

Аборты, совершенные не по медицинским показаниям («плодоизгнание»), были официально запрещены в Российской империи и приравнивались к детоубийству, что церковью рассматривалось еще и как тяжкий грех (Мухина, 2012а: 147-148). Резко негативное отношение русских крестьян к насильственному прерыванию беременности этнограф Т.А. Листова объясняет тем, что в соответствии с православным учением ребенок с самого своего зарождения в утробе матери считался самостоятельным существом, поэтому предпринимать какие-либо действия к его убийству было запрещено моралью общества (Листова, 1999: 686).

Два года длилось разбирательство об аборте, совершенном крестьянской девушкой Маремьяной Чудиновой (Чердынский уезд, 1825 г.). Тревогу о возможном детоубийстве забибли соседи, которые заметили изменение во внешнем виде Маремьяны: она сначала казалась беременной, а потом вдруг стала «простая». В результате проведенного расследования выявился мотив к плодоизгнанию: изнасилование в лесу, в результате которого крестьянка лишилась девственности и забеременела. Зная негативное отношение окружающих к внебрачным детям, она решила на совершение преступления и греха одновременно (Подробный указатель дел, 1893: 160). Тот факт, что сельские жители внимательно следили и доносили местным властям о возможном криминальном прекращении беременности, еще раз подтверждает наличие жесткого контроля со стороны общества за репродуктивным поведением женщины.

По мнению известного ученого в области женской истории Н.Л. Пушкаревой, до революции «вытравление плода» было основным способом контроля над числом и временем рождений, способом рационализации сексуальности, сложившимся в различных местностях России» (Пушкарева, Мицюк, 2021: 423). На рубеже XIX–XX вв. в России, в том числе и на Среднем Урале, стали проводиться аборты, которые назначались женщине по медицинским показаниям (Кончаковская, 2016: 77). В 1920 г. было легализовано искусственное прерывание беременности, не связанное с болезнью женщины (Мухина, 2012а: 153). Таким образом, в изучаемый период постепенно шло изменение практики по совершению абортов от их официального запрета до разрешения по строго медицинским показаниям.

Крестьянки, совершившие детоубийство (инфантицид), подвергались светскому суду. Об этом свидетельствует большое количество судебных дел, из которых видно, что девушки, зачавшие ребенка до законного брака, стремились избавиться от него, тем самым совершая уголовное преступление. По законодательству дореволюционной России («Уложение о наказаниях» 1885 г.), данный вид преступления сурово наказывался каторгой (10–12 лет) или тюремным заключением (4–6 лет) (Безгин, 2010: 974). Согласно церковным правилам на женщину, совершившую детоубийство, накладывалась многолетняя эпитимья (Пушкарева, 1989: 93).

Рассмотрим одно из дел Екатеринбургского уездного суда. Оно касается детоубийства, совершенного крестьянской девушкой Евфросиньей Вдовиной (Чердынский уезд, 1852–1854 гг.), которая не отрицала своей вины. Однако внятно объяснить, какой у нее был мотив, она не смогла. Из материалов дела становится понятно, что данное преступление последовало, чтобы скрыть свою распущенность (т. е. добрачную половую жизнь) и беременность, как ее результат. Наказание было определено судом как самой обвиняемой девушке (ссылка в Сибирь, лишение всех прав и привилегий), так и ее матери за помощь дочери в сокрытии преступления (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1483. Л. 50б.-57).

Желание скрыть сожителство и последующую добрачную беременность вынудило крестьянку Екатерину Осинцову (Екатеринбургский уезд, 1857–1858 гг.) совершить детоубийство. Она объясняла свои действия следующим образом: «Действительно, с 6 на 7 число мая месяца родила я мертвого младенца; прижила я его с крестьянским сыном Гаврилом Федоровым Стениным... Родила я мертвого младенца от того, что почувствовала его в своей утробе и чтобы скрыть это преступление от родителей

и стыда ради от людей... Участниками в сем преступлении ни мои родители и никто из посторонних не был» (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 5-6об.).

Анализируя материалы судебно-следственных дел, можно проследить в деятельности женщин по совершению детоубийства преступную и греховную части. Преступление заключалось в убийстве ребенка и должно было рассматриваться в светском суде. Лишение жизни любого человека, даже только-только зародившегося в утробе матери, считалось по православному учению грехом, за который убийца должен был держать ответ перед Богом.

Рождение ребенка до вступления в замужество влекло за собой, как правило, девиантное родительство, что чаще всего выражалось в форме отказничества матери от ребенка, которого ожидала роль подкидыша (Миненко и др., 2006: 309). Отказ от уже рожденного внебрачного ребенка, как и детоубийство, был частично обусловлен тем, что такой ребенок являлся постоянным напоминанием о распутстве женщины, ее позором. Как отмечает исследователь Д.В. Михель, «резко отрицательное отношение общества к внебрачным детям, как и к внебрачной сексуальной жизни женщины, привело к тому, что от таких детей всячески стремились избавиться» (Михель, 2007: 442). Кроме того, порой женщине было материально тяжело обеспечить ребенка одной, без помощи мужчины-отца, который часто не признавал его «своим». Подобная ситуация возникла с крестьянкой Марией Серебренниковой (Екатеринбургский уезд, 1896 г.), состоявшей в длительных интимных отношениях с крестьянином Михаилом Калташевым, обещавшим на ней жениться. После рождения их общего ребенка мужчина бросил Марию, готовую «подкинуть» малыша. Однако она решила действовать все-таки через суд (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 104. Л. 13об.). В итоге женщина оставила ребенка вместе с собой, хоть и воспитывать пришлось самостоятельно, так как Михаил Калташев не признал свое отцовство.

Другой случай незаконного сожительства закончился не столь благополучно. Крестьянка 23 лет (Осинский уезд, 1859 г.), имея незаконнорожденного сына, подкинула его в соседский двор. Находясь длительное время без помощи взрослых людей, ребенок умер. Подсудимая свидетельствовала: «Подкинула младенца этого единственно только от своего стыда. Прежде сего блудно детей ни с кем не приживала. Распутства своего в ремесло никогда не употребляла и ныне не употребляю» (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 22-22об.). Таким образом, девушка, признавая свою вину, старалась оправдаться, понимая, что совершила одновременно преступление и грех. По решению Екатеринбургского уездного суда крестьянка за свое преступление была наказана 60 ударами розг и посажена в тюрьму на 2 года. А за греховную интимную связь вне брака на нее была наложена епитимья (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 109).

В отдельных районах Среднего Урала «девица», имеющая ребенка, не могла надеяться на замужество. Об этом писал краевед А.Н. Зырянов в середине XIX в., когда изучал обычаи и традиции русских крестьян Шадринского уезда (Зырянов, 1859: 110). Об этом же свидетельствуют и записи фольклора, собранные исследователями на Среднем Урале (Слова, пословицы, 1890–1891: 60-65; Народные песни..., 1901: 189-194). Такая ситуация также способствовала тому, что молодые незамужние женщины шли на совершение аборта или детоубийства.

Нужно отметить, что из тех же судебно-следственных дел, отложившихся в Государственном архиве Свердловской области, видно, что если ребенок рождался в результате интимных отношений уже взрослой, пожившей женщины (например, вдовы), то этот факт она не пыталась скрыть. Наоборот, стремилась сохранить беременность и ребенка, даже и ставших результатом любовной связи на стороне. Например, крестьянка Мавра Антропова (Шадринский уезд, 1874 г.), которую обвиняли в инфантициде, отрицала намеренность своих действий: «... я сама, вот как Богу, так и вам говорю, что никаких мер к умертвлению ребенка не принимала и никогда не согласилась бы умышленно лишить его жизни...» (ГАСО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 180. Л. 20-21об.). Это в очередной раз свидетельствует о понимании крестьянами ценности зародившейся человеческой жизни, что укладывалось в православную концепцию. Все случаи, в которых крестьянки сознательно шли на аборт или детоубийство, являлись отклонениями от норм и представлений того времени.

5. Заключение

Таким образом, в системе традиционного репродуктивного поведения русских крестьянок, направленного на производство потомства, имелись девиации, которые противоречили социальным, экономическим и моральным установкам крестьянского сообщества, а значит, несли явную угрозу его благополучию и безопасности. Среди форм девиантного репродуктивного поведения у крестьянок, зафиксированных в XIX – начале XX вв., нужно выделить: зачатие и рождение детей до брака (часто ведущее к отказничеству как форме девиантного родительства), криминальные аборты, детоубийство. Причины, почему эти виды действий воспринимались в качестве отклонений от нормы, следующие.

Во-первых, самой важной функцией женщины была социальная: от ее правильного репродуктивного поведения зависела экономика крестьянского хозяйства и благополучие всего общества. Поэтому существовала жесткая регламентация жизни и поведения крестьянки, обусловленная рациональным подходом к сохранению и постоянному увеличению численности семьи.

Во-вторых, по канонам православной религии, дети должны были рождаться только в браке, главной целью которого являлось производство потомства. Поэтому внебрачные сексуальные отношения, влекущие за собой, как правило, появление незаконнорожденных детей, не приветствовались. Для того чтобы скрыть сожителство и последующую беременность, крестьянки нередко прибегали к абортам или детоубийству.

В-третьих, аборт и детоубийства с точки зрения религии являлись тяжким грехом. По мнению крупного историка, демографа Б.Н. Миронова, даже в первые десятилетия советской власти крестьяне в большинстве своем оставались глубоко религиозными (Миронов, 2000: 331). Это подтверждается на региональном материале, который показывает, что начавшееся в XIX в. обмирщение крестьянского сознания не оказало существенного влияния на понимание, что такое грех и преступление (Бальжанова, 2006: 102).

Наличие девиаций в репродуктивном поведении уральских крестьянок было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, жесткие предписания и мелочный контроль за жизнью женщин, однобокое понимание их положения и роли в обществе способствовали формированию протеста, выразившегося в принятии женщиной решения о допуске добрачных сексуальных отношений, как правило, ведущих к нежелательной беременности. Во-вторых, малограмотность женщин и незнание особенностей функционирования своего организма, связанных с месячным циклом и беременностью, отсутствие знаний и способов надежной контрацепции приводило к нежелательным беременностям, выкидышам, рождению мертвых детей, что отрицательно отражалось на женском репродуктивном здоровье. В-третьих, сильный страх перед осуждением со стороны сообщества за меньшие греховные деяния способствовал совершению более греховных действий, за которые можно было понести даже уголовное наказание. Например, желание скрыть добрачную беременность, считавшуюся в крестьянской среде нежелательной, приводило к аборту или убийству уже рожденного ребенка. В-четвертых, аборт и детоубийства частично провоцировались сложившимися неблагоприятными моральными или материальными условиями, в которых, как правило, оказывались именно молодые незамужние женщины. Взрослые пожившие женщины, имеющие, как правило, устойчивое материальное положение, наоборот, старались сохранить жизнь ребенку, понимая ее ценность.

Таким образом, изучение девиаций в репродуктивном поведении русских женщин в XIX – начале XX вв. позволяет сделать вывод, что эти отклонения присутствовали в повседневной жизни уральского крестьянства и были обусловлены целым рядом факторов. Соотнося с настоящей временем, нужно отметить, что некоторые из этих девиаций если и не стали повсеместно распространенной нормой, то хотя бы не осуждаются обществом жестко и открыто, так как считаются личным делом и выбором женщины (аборт, зачатие и рождение детей вне брака). Однако детоубийство все также остается уголовным преступлением и преследуется по закону.

Литература

- Акопян, 2011 – Акопян А.С. Роль семейных ценностей в перерождении институтов государства: биосоциальный аспект // *Историческая психология и социология истории*. 2011. № 1. С. 142-167.
- Бальжанова, 2006 – Бальжанова Е.С. Понятия о грехе и преступлении у крестьян Среднего Урала (XIX – начало XX в.) / Горнозаводской Урал в XVIII – начале XX в.: проблемы социокультурной истории: Сб. ст. Под ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 85-104.
- Безгин, 2010 – Безгин В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне // *Право и политика*. 2010. № 5. С. 972-977.
- Беляева, 2012 – Беляева М.А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // *Социология и жизнь*. 2012. № 3. С. 207-212.
- Галиева, 2021 – Галиева Э.Р. Традиционные и современные модели репродуктивного поведения // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2021. № 1. С. 12-15.
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
- Голикова, 2001 – Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 195 с.
- Зырянов, 1859 – Зырянов А.Н. Песни, записанные в Шадринском уезде // Пермский сборник: поврем. изд. М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1859. Кн. 1. С. 101-115.
- Клименко, 2020 – Клименко Н.С. Гендерные интерпретации репродуктивных стратегий в культуре современного российского общества // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2020. № 3(44). С. 41-45. DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-41-45
- Кончаковская, 2016 – Кончаковская Н.Б. Материнство и детство в городском пространстве Среднего Урала во второй половине XIX – начале XX в. // *Российская повседневность XIX – XX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции*. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2016. С. 73-77.

Лахтионова, 2019 – *Лахтионова Е.С.* Мир женских грехов и преступлений в крестьянской среде на Среднем Урале XIX – начала XX в. // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*. 2019. № 2(7). С. 15-25.

Листова, 1999 – *Листова Т.А.* Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // *Русские: Сб. ст. / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук*. М.: Наука, 1999. С. 684-692.

Миненко и др., 2006 – *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 2006. 384 с.

Миронов, 2000 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 566 с.

Мирошниченко, 2012 – *Мирошниченко М.И.* Репродуктивное поведение женщин Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг. // *Историческая демография*. 2012. № 1. С. 42-45.

Михель, 2007 – *Михель Д.В.* Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // *Журнал исследований социальной политики*. 2007. Т. 5. № 4. С. 439-458.

Мицюк, Пушкарева, 2019 – *Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л.* «Плодоизгнание» как основной способ контроля рождаемости у крестьянок XIX в. // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2019. Т. 18. № 3. С. 159-170

Мухина, 2012a – *Мухина З.З.* Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 3. С. 147-160.

Мухина, 2012b – *Мухина З.З.* Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно центральных губерний) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2012. Т. 4. № 3. С. 7-17.

Мухина, Пушкарева, 2012 – *Мухина З.З., Пушкарева Н.Л.* Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // *Вестник Пермского университета. История*. 2012. № 3(20). С. 43-55.

Народные песни..., 1901 – Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890 и 1891 гг. П.А. Некрасовым // *Записки Уральского общества любителей естествознания*. 1901. Т. XXII. С. 189-194.

Подробный указатель дел..., 1893 – Подробный указатель дел Пермского исторического архива. Дела уголовные Чердынского уездного суда // *Труды Пермской ученой архивной комиссии*. Вып. II. Пермь, 1893. С. 150-178.

Пушкарева, 1989 – *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

Пушкарева, 2017 – *Пушкарева Н.Л.* Репродуктивное поведение русских женщин (X–XXI вв.): влияние православного и этнократического гендерных порядков / Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. Сборник материалов. Ижевск: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 281.

Пушкарева, Мицюк, 2021 – *Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А.* Зарождение биополитической модели контроля рождаемости в XIX – начале XX в. // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 19(3). С. 421-435. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-421-436

Слова, пословицы..., 1890–1891 – Слова, пословицы, поговорки, приметы и песни, записанные в Пермском уезде Ф.Н. Панаевым / *Записки Уральского общества любителей естествознания*. 1890–1891. Т. XII. Вып. 2. С. 60-65.

References

Akopyan, 2011 – *Akopyan, A.S.* (2011). Rol' semeinykh tsennostei v pererozhdenii institutov gosudarstva: biosotsial'nyi aspekt [The role of family values in the rebirth of state institutions: a biosocial aspect]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 1: 142-167. [in Russian]

Bal'zhanova, 2006 – *Bal'zhanova, E.S.* (2006). Ponyatiya o grekhe i prestuplenii u krest'yans Srednego Urala (XIX – nachalo XX v.) [The concepts of sin and crime among the peasants of the Middle Urals (XIX – early XX centuries)]. *Gornozavodskoi Ural v XVIII – nachale XX veka: problemy sotsiokul'turnoi istorii*. Sbornic statei. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 85-104. [in Russian]

Belyaeva, 2012 – *Belyaeva, M.A.* (2012). Deviantnoe roditel'stvo v kontekste reproduktivnoi kul'tury sovremennoi sem'i [Deviant parenthood in the context of the reproductive culture of the modern family]. *Sotsiologiya i zhizn'*. 3: 207-212. [in Russian]

Bezgin, 2010 – *Bezgin, V.B.* (2010). Detoubiistvo i plodoizgnanie v russkoi derevne [Infanticide and fructification in the russian village]. *Pravo i politika*. 5: 972-977. [in Russian]

Galieva, 2021 – *Galieva, E.R.* (2021). Traditsionnye i sovremennye modeli reproduktivnogo povedeniya [Traditional and modern models of reproductive behavior]. *Kazanskiĭ sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*. 1: 12-15. [in Russian]

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archive of the Sverdlovsk region].

Golikova, 2001 – *Golikova, S.V.* (2001). Sem'ya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII-XIX vv: demograficheskie protsessy i traditsii [The Family of the mining population of the Urals in the 18th-19th centuries: demographic processes and traditions]. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 195 p. [in Russian]

Klimenko, 2020 – *Klimenko, N.S.* (2020). Gendernye interpretatsii reproduktivnykh strategii v kul'ture sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Gender interpretations of reproductive strategies in the culture of modern russian society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3(44): 41-45. [in Russian]

Konchakovskaya, 2016 – *Konchakovskaya, N.B.* (2016). Materinstvo i detstvo v gorodskom prostranstve Srednego Urala vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Motherhood and childhood in the urban space of the Middle Urals in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Rossiiskaya povsednevnost' XIX – XX vekov: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University, pp. 73-77. [in Russian]

Lakhtionova, 2019 – *Lakhtionova, E.S.* (2019). Mir zhenskikh grekhov i prestuplenii v krest'yanskoi srede na Srednem Urale XIX – nachala XX v. [The world of women's sins and crimes in the peasant environment in the Middle Urals in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 2(7): 15-25. [in Russian]

Listova, 1999 – *Listova, T.A.* (1999). Narodnaya religioznaya kontseptsiya zarozhdeniya i nachala zhizni [Folk religious concept of the origin and beginning of life]. *Russkie. Sbornik statei*. Moscow, Nauka, pp. 684-692. [in Russian]

Mikhel', 2007 – *Mikhel', D.V.* (2007). Obshchestvo pered problemoi infantitsida: istoriya, teoriya, politika [Society facing the problem of infanticide: history, theory, politics]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 5(4): 439-458. [in Russian]

Minenko et al., 2006 – *Minenko, N.A., Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V.* (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda. XVIII – nachalo XX v. [Everyday life of the Ural city. XVIII – early XX centuries]. Moscow, Nauka, 384 p. [in Russian]

Mironov, 2000 – *Mironov, B.N.* (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX centuries): genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2, 566 p. [in Russian]

Miroshnichenko, 2012 – *Miroshnichenko, M.I.* (2012). Reproduktivnoe povedenie zhenshchin Urala v 1920-e – pervoi polovine 1930-kh gg. [Reproductive behavior of women in the Urals in the 1920s – the first half of the 1930s]. *Istoricheskaya demografiya*. 1: 42-45. [in Russian]

Mitsyuk, Pushkareva, 2019 – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L.* (2019). «Plodoizgnanie» kak osnovnoi sposob kontrolya rozhdamosti u krest'yanok XIX v. ["Fructification" as the main method of birth control among peasant women of the 19th century]. *Vestnik Smolenskoii gosudarstvennoi meditsinskoi akademii*. 18(3): 159-170. [in Russian]

Mukhina, 2012a – *Mukhina, Z.Z.* (2012). Plodoizgnanie i kontratseptsiya v traditsionnoi krest'yanskoi kul'ture Evropeiskoi Rossii (vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX v.) [Fructification and contraception in the traditional peasant culture of european Russia (second half of the 19th – 30s of the 20th century)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 147-160. [in Russian]

Mukhina, 2012b – *Mukhina, Z.Z.* (2012). Poslerodovoi period v zhizni krest'yanki poreformennoi Rossii (preimushchestvenno tsentral'nykh gubernii) [The postpartum period in the life of a peasant woman in post-reform Russia (mainly in the central provinces)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4. 3: 7-17. [in Russian]

Mukhina, Pushkareva, 2012 – *Mukhina, Z.Z., Pushkareva, N.L.* (2012). Zhenshchina i zhenskoe v traditsionnoi russkoi seksual'noi kul'ture (do i posle velikikh reform XIX veka) [Woman and feminine in traditional Russian sexual culture (before and after the great reforms of the 19th century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(20): 43-55. [in Russian]

Narodnye pesni..., 1901 – *Narodnye pesni, nagovory, zagadki, skorogovorki i poslovitsy, zapisannye v Aleksandrovskoi volosti Solikamskogo uezda Permskoi gubernii v 1890 i 1891 gg.* P. A. Nekrasovym [Folk songs, slander, riddles, tongue twisters and proverbs recorded in the Aleksandrovskaya volost of the Solikamsk district of the Perm province in 1890 and 1891. P.A. Nekrasov]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. 1901. T. XXII, pp. 189-194. [in Russian]

Podrobnyi ukazatel' del, 1893 – *Podrobnyi ukazatel' del Permskogo istoricheskogo arkhiva. Dela ugovolnye Cherdynskogo uezdnogo suda* [Detailed index of cases of the Perm historical archive. Criminal cases of the Cherdynsky uyezd court]. *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vol. II, pp. 150-178. [in Russian]

Pushkareva, 1989 – *Pushkareva, N.L.* (1989). Zhenshchiny Drevnei Rusi [Women of ancient Rus']. Moscow, Mysl', 286 p. [in Russian]

Pushkareva, 2017 – *Pushkareva, N.L.* (2017). Reproduktivnoe povedenie russkikh zhenshchin (X-XXI vv.): vliyaniye pravoslavnoy i etakraticheskogo gendernykh poryadkov [Reproductive Behavior of (X-XXI vv.): vliyaniye pravoslavnoy i etakraticheskogo gendernykh poryadkov]

Russian Women (X-XXI Centuries): Influence of Orthodox and Etacritic Gender Orders]. *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennyye vyzovy*. Sbornik materialov. Izhevsk, Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay RAS, p. 281. [in Russian]

Pushkareva, Mitsyuk, 2021 – Pushkareva, N.L., Mitsyuk, N.A. (2021). Zarozhdenie biopoliticheskoi modeli kontrolya rozhdadnosti v XIX – nachale XX v. [The origin of the biopolitical model of birth control in the 19th – early 20th centuries]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 19 (3): 421-435. [in Russian]

Slova, poslovitsy, 1890–1891 – Slova, poslovitsy, pogovorki, primety i pesni, zapisannyye v Permskom uезде F.N. Panaevym [Words, proverbs, sayings, signs and songs recorded in the Perm district by F.N. Panaev]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. 1890–1891. T. XII. Vyp. 2, pp. 60-65. [in Russian]

Zyryanov, 1859 – Zyryanov, A.N. (1859). Pesni, zapisannyye v Shadrinskoy uезде [Songs recorded in the Shadrinsk district]. *Permskii sbornik*. Moscow, Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. Vol. 1, pp. 101-115. [in Russian]

Девииации в репродуктивном поведении русских крестьянок Среднего Урала (XIX – начало XX в.)

Елизавета Сергеевна Лахтионова^{a, *}, Ирина Геннадьевна Полякова^a

^aУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются варианты репродуктивного поведения русских женщин, которые рассматривались в крестьянской среде как девиации. Цель статьи – изучить конкретные виды девиантного поведения, а также выявить факторы, обуславливавшие их появление и устойчивое присутствие в повседневной жизни русских крестьян Среднего Урала.

Основными источниками являются неопубликованные материалы (судебно-следственные дела), дающие возможность детально изучить конкретные случаи девиантного поведения с дальнейшей оценкой причин и последствий их присутствия в жизни крестьянок. Также были использованы опубликованные источники (записи фольклора), позволяющие проанализировать отношение крестьян к той или иной форме девиантного репродуктивного поведения. Проведенное исследование помогло выявить «болевые точки» в репродуктивной культуре русских крестьян в XIX – начале XX вв.: добрачные интимные отношения, последующая внебрачная беременность, стремление скрыть ее разными методами (аборт, убийство уже рожденного ребенка), девиантное родительство в виде отказничества. Эти явления считались отклонениями от нормы, так как основным предназначением женщины в то время было рождение детей в браке, который являлся единственным регулятором рождаемости в традиционном обществе. За отступление от принятых норм женщину ожидали разного рода наказания: от морального осуждения до реального срока на каторге. Несмотря на это, в повседневной жизни крестьян регулярно встречались обозначенные выше девиации.

Делается вывод о том, что среди факторов, способствовавших девиантному репродуктивному поведению крестьянок, можно выделить психологические (зависимость от общественного мнения, понятия о грехе и преступлении), социокультурные (репродуктивное «предназначение» женщины, низкий уровень грамотности женщин), материальные (неспособность молодой женщины обеспечить своего внебрачного ребенка).

Ключевые слова: репродуктивное поведение, девиации, крестьянство, женщина, Средний Урал, детоубийство, грех, преступление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elza1982@yandex.ru (Е.С. Лахтионова), irinapolykova@yandex.ru (И.Г. Полякова)